

Псевдоним для писателя – дело полезное, а иногда просто необходимое. Например, вместо невыразительного Анна Горенко – звучное Анна Ахматова. Или пока выговоришь Александр Гликберг – язык сломаешь, Саша Чёрный – куда лучше! Про Ефима Придворова и говорить нечего: с такой фамилией стать певцом большевизма шансов не было никаких. Демьян Бедный – совсем другое дело. Но зачем автору строк "Русь, как Том Сойер, не даёт ответа.// Должно быть, снова шалости готовит// какие-нибудь..." понадобилось менять богоданного Запоева на Кибирова. С Тимуром Кибировым беседует наш корреспондент **Ольга РЫЧКОВА**.

Химеры времени

Поэт Тимур Кибиров: «Ни сторожем, ни дворником, ни истопником в котельной я не трудился»

– Тимур, всё-таки зачем вам понадобился псевдоним? По-моему, фамилия Запоев для поэта такого направления – просто дар небесный...

– Если читатель знает, что Запоев – фамилия подлинная, то это смешно. Но представьте, кто-то впервые открыл мои стихи, ничего не зная об авторе. Конечно, он решил бы, что это специально придуманный псевдоним, причём крайне глупый и безвкусный, и вряд ли бы стал меня читать... Кроме того, я начинал, когда время для такой поэзии было не самое благоприятное. Не то чтобы КГБ за мной охотилось, но всё-таки... Так что псевдоним был выбран ещё из некоторой осторожности...

– Дети страшненьких лет забуревшей России,

Фантомасом возвращённый помёт,
в рукавах пиджаков мы портвейн
прносили,

пили, ленинский сдавши зачёт.
И отцов поносили, Высоцкого пели,
тротуары клешами мели.

И росли на дрожжах, но взростеть
не взростели,
до сих пор повзростеть не смогли...

Такой портрет литературного "поколения дворников и сторожей" нарисован в одном из ваших стихотворений.

– Я бы вообще не стал говорить о каких-то поколениях. Есть люди одного биологического возраста, которые пишут настолько по-разному... Что общего у меня как литератора,

скажем, с Юрием Поляковым, хотя мы ровесники и даже учились в одной группе пединститута? Мне куда ближе Пригов, хотя он и старше на 14 лет, или столь непохожие Лев Рубинштейн, Гандлевский, Михаил Айзенберг... Или взять публикации в "Юности": те, кто печатались вместе, обязательно и по жизни шли бок о бок. Коллективную судьбу могла устроить советская власть, но она, слава Богу, закончилась. Я, например, даже по формальным признакам не могу относиться к многократно воспетому "поколению сторожей", поскольку ни сторожем, ни дворником, ни истопником в котельной, ни в иной богеменной должности не трудился.

– Редкий случай для поэта той эпохи... Как же вы зарабатывали хлеб насущный?

– Например, в Институте искусствознания при Министерстве культуры. Правда, никакой наукой я не занимался – был скорее клерком, помогая учёным мужам в придуманных ими исследованиях. Я очень благодарен тем годам необременительного и безвредного труда, когда было много свободного времени (в отличие от нынешней моей редакторской работы на ТВ) для совершенствования литературных опытов.

– А как же учительское образование? Вы никогда не сеяли в детских душах разумное-доброе-вечное?

– В пединститут имени Крупской я поступил, чтобы не идти в армию. Хо-

Б. Ефимов. Иллюстрация из книги "Отрывки из ненаписанного".

тя специальность "русский язык и литература" была выбрана вполне сознательно: я не просто много читал, но и сам пытался кропать стишки. К счастью, показывал их только друзьям.

– Но вы всё равно написали преисполненную отцовской любви и нежности "Педагогическую поэму" – я имею в виду сонеты к дочери Саше:

Я просыпаюсь оттого, что ты
пытаешься закрасить мне щетину
помадой губной. И так невинно
и нагло ты хохочешь, так пусты
старанья выбить лживое "Прости,
папулечка!", так громогласно псина
участвует в разборке этой длинной,
и так полны безмозглой чистоты
твои глаза, и так твой мир огромен,
и неожидан, и притом укромен,
и так твой день бескраен и богат,
что даже я, восстав от мутной дрёмы,
продрав угрюмый и брезгливый

взгляд,
не то чтоб счастлив, но чему-то рад.

Несколько неожиданный поворот в поэзии, учитывая, что до этого стихи ваши были исполнены стёба, насмешки.

– Стёб хорош до определённого возраста. Поначалу мне действительно не хватало в литературе иронии, потом – здравого смысла. Сейчас самое время обращаться к вечным ценностям, брюзжать на тех, кто моложе. Меня тревожит некая ненормальность всего, что творится вокруг. Я чрезвычайно плохо отношусь к так называемой молодёжной культуре: пара мелодий, однообразный ритм, подкреплённые дозой "экстази": Слава Богу, в своё время я не дослужился до поста министра культуры, так что могу открыто и прямо говорить о том, что мне не нравится, и не опасаться, что после моих неосторожных слов закроют какую-то поп-группу. Сам я всё больше склоняюсь к классике. И раньше в своих стихах я отсылал читателя то к Пушкину, то к Некрасову, то к Баратынскому...

– Значит, современная культура для вас, скажем так, нехороша. А ведь во время перестройки была, наоборот, эйфория: советская власть кончилась, теперь-то заживём!

В общем, жили мы неплохо.

Но закончилась эпоха.

Шишел-мышел, вышел вон!

Наступил иной эон.

В предвкушении конца

Ламца-дрица гоп цаца!

– Тогда мне казалось, что я смотрю на ситуацию абсолютно трезво. Сейчас, оглядываясь назад, подозреваю, что и у меня были иллюзии. Казалось, ну что может быть плохого, если справились наконец-то с большевистской заразой! Но беда в том, что

большевики традиционную культуру либо искореняли, либо делали прислужницей власти, что, естественно, вызывало у людей раздражение и отторжение. Последствия всего этого мы наблюдаем до сих пор. Для большинства все наши "традиции" сводятся к "Тузу бубновому" по радио "Шансон" и т. п.

— Может быть, нашим поэтам стоит писать качественные тексты песен и таким образом постепенно приучать народ к "высокой культуре"?

— Во-первых, для этого нужен особый песенный талант. Во-вторых, не так всё просто: напишу я или кто-то другой выдающийся текст — и сразу все его запоют, и культурный уровень подскочит выше некуда! Уже доказано учёными: у детей, взращённых на пепси или кока-коле, происходят необратимые изменения вкуса. И приучить их к чему-то другому практически невозможно...

— Поэтому вы не участвуете в современной "культурной жизни"? Например, в начале осени без вас проходил Московский поэтический фестиваль у памятника Маяковскому...

— Меня на подобные мероприятия давно не зовут — из-за моих неизменных отказов. Я считаю совершенно нелепым выходить на площадь и читать, обращаясь к бегущим мимо прохожим, какие-то вирши... Время 60-х давно ушло, а вместе с ним — и потребность в "эстрадной" поэзии. Конечно, мне хотелось бы привлекать внимание читателей, но не таким способом.

— А литературные премии вас радовали?

— Я получал их от журналов "Арион", "Знамя"... Но подлинную материальную радость принесла международная Пушкинская премия, которую мы с Приговым поделили на двоих. Видимо, нас сочли не настолько официально признанными поэтами, чтобы каждому дать по целой премии. "Антибукер" ещё был, "Северная Пальмира"... Всё это, конечно, приятно, но скорее с обывательской точки зрения: шубу жене купил, телевизор... А в литературной жизни все эти награды и звания мало что меняют — разве что вызывают зависть собратьев по перу... Каков же вывод и итог? Может быть, такой:

*Юноша бледный, в печать выходящий!
Дать я хочу тебе два-три совета:
первое дело — живи настоящим,
ты не пророк, заруби себе это!
И поклоняться Искусству не надо!
Это и вовсе последнее дело.
Экзюпери и Батая с де Садом,
перечитав, можешь выбросить*

смело. ■